

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81+811.11-112

Бирюкова Е.В.

Московский гуманитарный педагогический институт

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА – ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ И ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. ЧЕРТЫ ИХ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

E. Biriukova

Moscow Humanitarian Pedagogical Institute

FUNCTIONAL SYNONYMY OF DIFFERENT LANGUAGE UNITS SUCH AS PARTICIPLE CONSTRUCTIONS AND SUBORDINATE CLAUSES IN GERMAN. THEIR COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES

Аннотация. В статье рассматривается функциональная синонимия разноуровневых единиц языка – причастных оборотов и придаточных предложений в немецком языке. Автор статьи опирается на фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов (А.В. Бондарко, Е.В. Гулыга, И.Р. Гальперин, Е.И. Шендельс, К. Бюлер, В. Юнг, К. Боост и др.). Рассматриваются условия и возможности функциональной синонимии на примере причастных конструкций и придаточных предложений. Кроме того, в статье описывается синонимия причастных конструкций и предложных конструкций в немецком языке.

Ключевые слова: функциональная синонимия, причастные обороты, придаточные предложения, предложные конструкции.

Abstract. The paper deals with functional synonymy of structurally different language units such as participle constructions and subordinate clauses in German. The author uses fundamental works of Russian and foreign linguists (A.V. Bondarko, T.V. Gulyga, R.G. Galperin, E.I. Shendels, K. Buhler, K.W. Jung, K. Boost etc.). The article explores the conditions and possibilities of functional synonymy of the above-mentioned constructions. Besides, it analyses synonymy of participle constructions and prepositional constructions in the German language.

Key words: functional synonymy, participle constructions, subordinate clauses, prepositional constructions.

Термин «функциональная синтаксическая синонимия» полно раскрывает содержание синтаксических синонимов и наиболее верно передаёт их природу. Концепция функциональной синтаксической синонимии развивается в рамках функциональной грамматики, которая трактуется как грамматика, во-первых, ориентированная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических единиц, участвующих (во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы) в передаче содержания высказывания, во-вторых,

включающая описание функций языковых средств не только в направлении от средств к функциям, но и в направлении от функций к средствам. Специфика функциональной грамматики проявляется прежде всего в реализации принципа от функции к средствам, который в грамматике данного типа может быть основным, ведущим [2, с. 4].

Как зарубежные (К. Бюлер [14, с. 258]), так и отечественные лингвисты (Е.В. Гулыга [7, с. 1057-1058], И.Р. Гальперин [4] и др.) считают, что синонимизироваться могут не только одноуровневые, но и разноуровневые языковые единицы.

Каждый уровень характеризуется своими соотношениями “плана выражения” и “плана содержания”. Наиболее сложными они являются на синтаксическом уровне.

К. Бюлер [5, с. 258] выделяет следующие уровни: *слово – предложение – сложноподчинённое предложение*, что позволяет говорящему (пишущему) использовать разные структуры для выражения одного и того же явления объективной действительности. Общность эта обусловлена возможностью один и тот же факт действительности назвать словом (словосочетанием) и представить в предложении. Представляется возможным говорить об особом виде синтаксической синонимии – **функциональной синонимии** – и признать, следуя за В.П. Сухотиным, что разноструктурность, разнооформленность не препятствуют синонимии, а скорее лежат в основе понятия синтаксического синонима.

Если не соблюдать условия однородности, то можно сопоставить грамматические единицы разного порядка и найти в них общее. Этим общим может быть выполняемая ими синтаксическая функция в рамках предложения. Такие синонимы называют **функциональными синонимами**.

Условие однородности нельзя понимать абсолютно как барьер между морфологией и синтаксисом, как недопустимость “синтаксической морфологии”. Наоборот, поскольку каждая единица входит составной частью в следующую за ней по уровню единицу, исследование одного уровня неизбежно влечёт

за собой исследование другого уровня. Морфема не функционирует вне словоформ, поэтому исследование морфем приводит к исследованию словоформ. Словоформы не функционируют вне словосочетаний. Словоформы входят в состав предложения, обороты обретают значимость также в составе целого предложения. Поэтому условия однородности относятся к отбору единиц в качестве предмета исследования, сама же область исследования захватывает те высшие единицы, компонентом которых выступает анализируемая единица [13, с. 76].

Уровни языка “неоднородны”, “неравноценны”, они находятся в иерархических отношениях, обладают разными функциями и занимают различное место в системе [13, с. 70].

Е.И. Шендельс [13, с. 71] выделяет следующие уровни:

- синонимичные морфемы (-chen, -lein, -frei);
- синонимичные словоформы (Konjunktiv, Konditionalis, Präteritum, Perfekt) – они образуют морфологическую синонимию;
- синонимичные модели словосочетаний (die Straßen Berlins, die Straßen von Berlin, Berlins Straßen);
- синонимичные модели предложений (Es wird gelacht – Man lacht).

Как подчёркивает Е.И. Шендельс [13], каждый вид придаточных предложений связан с синонимичным ему причастным оборотом.

Синонимические модели словосочетаний, предложений и оборотов составляют синтаксическую синонимию.

Синтаксический уровень как бы впитывает в себя все черты низлежащих уровней, перерабатывая их, систематизируя их в одном целостном выражении [4].

Говоря о синонимичности причастных конструкций и придаточных предложений, отметим, что сходство проявляется в характере связей внутри обособленного оборота и придаточного предложения и заключается в том, что опорное слово оборота сопоставлено со сказуемым придаточного предложения по своему обобщённому грамматическому значению, по ряду грамматических категорий,

по стабильности в составе конструкции и т. д. Что же касается внешних связей, т. е. связей обособленного оборота и придаточного предложения с остальной частью высказывания, в состав которого они входят, то основным фактором, обуславливающим синонимичность сопоставляемых конструкций, является синтаксическое подчинение [11, с. 36].

По утверждению Е.В. Гулыги, «подобно тому, как придаточное предложение в сложноподчинённых предложениях с расщеплённым семантическим ядром как бы подключается к предикативной линии главного предложения, так и в предложении с оборотом наблюдается своего рода включение в ядро предложения» [6, с. 18-29].

Придаточное предложение и оборот – единицы разного уровня и принципиально отличаются друг от друга. Придаточное предложение построено по принципу любого предложения: в его состав входят подлежащее и сказуемое, связанные между собой предикативным отношением и образующие предикативную линию, в то время как связь между неличной формой глагола стержневого слова оборота и подлежащим предложения – имплицитная. В отличие от оборота, способного выражать только относительное время, придаточное предложение выражает абсолютное и относительное время, а также модальность [7].

Важным для определения места синтаксических единиц в системе синтаксиса является то, что основная часть + оборот образуют простое распространённое предложение. А главное предложение + придаточное предложение создают сложноподчинённое предложение – единицу более высокого уровня [7, с. 1100; 14, с. 27-29].

Общие черты в некоторых принципах построения придаточного предложения и оборота заключаются именно в помещении на конечное место придаточного предложения личной формы глагола и в большинстве случаев – на конечное место причастного оборота (реже – на первое место) и в создании тем самым своеобразной рамки: союзное слово + *verbum finitum* (для придаточных предложе-

ний). Основная сходная черта для придаточных предложений и оборотов заключается в наличии грамматического подчинения, в котором находятся как придаточные предложения, так и обороты, по отношению к основной части предложения [7, с. 1107].

Грамматическое подчинение обуславливает то, что как придаточное предложение, так и оборот выполняют в целом ряде случаев функцию члена предложения. При этом придаточное предложение и оборот – функциональные синонимы и входят в синтаксический ряд, исходной единицей в котором является член предложения, выраженный словом и словосочетанием. Как пишет Е.В. Гулыга, «возможно рассмотреть особый род синтаксических синонимов, а именно функциональных синонимов, под которыми понимаются разноструктурные единицы как одного, так и разных уровней, отличающиеся своими грамматическими значениями и объёмом лексических значений, хотя и максимально совпадающие по лексическому наполнению, выполняющие однородные функции члена предложения по отношению к подчиняющейся части предложения или главному предложению» [7, с. 1103].

Между придаточным предложением и оборотом существует разница по *происхождению* [10, с. 157].

1) В придаточном предложении предикативность выражается теми же средствами, что и акт предикации в независимом предложении. Придаточное предложение ставится в зависимость от глагола специальными средствами (подчинительными союзами, относительными местоимениями). В обороте предикативность выражается обособлением второстепенного члена предложения. Эти «обособленные синтагмы» сильнее тяготеют к основному высказыванию, несмотря на приём обособления. Роднит их одинаковое использование в языке для детализации высказывания. Придаточное предложение и обособленный оборот выступают в виде развёрнутых групп, более или менее полно уподобляясь построению предложения как основной единицы речи.

2) Второе отличие между придаточным предложением и обособленным оборотом состоит в том, что причастный оборот имеет наряду со значением сопровождающего действия различные оттенки: атрибутивные, обстоятельственные и выражает своё значение особыми средствами, в то время как придаточное предложение выражает своё значение в первую очередь союзами (*indem, weil, so daß* и т. д.)

Значение оборота зависит от того, какое содержание вкладывает в него писатель (говорящий), и от исторически сложившихся возможностей выражения различных значений, которые возникли в определённом языке. Если русский язык с его системой деепричастных оборотов даёт возможность выражения разнообразных обстоятельственных оттенков, то немецкий язык гораздо беднее в этом отношении. Оборот с причастием может выражать в основном одно значение, и это результат закономерного явления, связанного с недостаточным развитием первопричастного оборота.

В отличие от немецкого языка, в русском языке редко употребляются односубъектные предложения, но имеется такая форма, как деепричастие. По утверждению Л.А. Булаховского, «стилистическое значение деепричастных сочетаний как способа сжато передавать смысл временных, причинных, условных и реже уступительных предложений и вносит в фразу разнообразие, заменяя параллельные по смыслу типы предложений» [3].

На основе структурного сходства и близости синтаксических функций в составе всего предложения некоторые грамматисты [19, с. 500; 19, с. 564; 17, с. 198; 16] рассматривают причастные и инфинитивные обороты как сокращённые придаточные.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой обороты – промежуточное звено между придаточным предложением и членом предложения. Такое рассмотрение оборотов точно, на наш взгляд, отражает их положение в иерархии уровней языка, и мы считаем, что оборот отличается от придаточного предложения принципом построения. Подтвердим

наше утверждение наблюдением Е.В. Гулыги: «придаточное предложение, подобно предложению вообще, есть двухполюсная единица, оборот является однополюсной единицей, связанной с предложением имплицитной связью» [8, с. 206].

Отметим, что, рассматривая черты сходства и различия оборотов и придаточных предложений, мы анализируем одноаспектную синонимию, т. е. только грамматические формы.

Кроме того, мы сталкиваемся с таким явлением, как лексико-грамматическая синонимия, которая занимает промежуточное место между одноаспектной и межаспектной синонимией. При лексико-грамматической синонимии эквивалентами являются разные части речи (ср.: *начать разговаривать – начать разговор*).

Как отмечает И.И. Ревзин [10, с. 129], «близость связывает причастные обороты и имена действия в одну группу» как постоянное средство для перевода слова в другой разряд слов. Исследователь подчёркивает, что отглагольные образования могут выражать предметность, результат, в то время как глагол чаще выражает протекание действия [10, с. 129-130].

По мнению В.М. Жирмунского [9], имена действия играют важную роль в предложениях и в сокращённых придаточных предложениях. Учёный определяет это явление как особую форму синтаксического объединения на синтаксической основе.

Употребление имён действия, по мнению И.И. Ревзина, в определённых конструкциях весьма распространено и конкурирует с причастием I, во многих случаях вытесняет его в значении сопутствующего действия. По мнению И.И. Ревзина, существует различие между причастием и предложной группой [10, с. 136]. Так, «причастие придаёт обороту больше “глагольности”, категория вида, времени, залога чувствуется гораздо более чётко, что, в свою очередь, способствует обособлению оборота, его большей самостоятельности по сравнению с предложной конструкцией. В то же время предложная конструкция

имеет больше возможностей для выражения своего обстоятельственного (временного) и других значений. При этом предлоги *in, bei, mit, unter* имеют возможность выражать разные оттенки значения сопутствующего действия более полно, чем оборот I. Кроме того, в предложных конструкциях часто выступают другие предлоги, например, *durch*, передающие оттенок модальности, или *nach*, передающий значение предшествования (*nach einigen Nachdenken schlug sie den Engländern nur vor; ... durch Abschwächung und Einbuße der Vollendung gehen sie in Adjektive über*)» [10, с. 136]. Автор отмечает, что в немецком языке развитие первопричастного оборота тормозится распространением, с одной стороны, инфинитивных оборотов, особенно с *ohne...zu*, а с другой – развитием ложных конструкций с именем действия. Предложные конструкции с именами действия в немецком языке развились сильнее, чем в русском языке, но не стали основным выразителем сопровождающего действия и не заменили полностью причастный оборот I.

Гречко В.К. отмечает: «... Семантическое содержание в исходных словах и их синтаксических дериватах в русском языке (читать – чтение, ходить – ходьба, белый – белизна) категориально видоизменено; оно выражается сквозь призму грамматических категорий предмета действия, признака и конкретизируется с помощью присущих каждой части речи морфологических и синтаксических характеристик. К этому надо добавить, что употребление слов разных частей речи, в силу грамматических и валентных свойств, конструктивно обусловлено. В результате мыслительное содержание, закреплённое за словом или иной частью речи, приобретает способность иметь особенные семантические связи. Отсюда возможность индивидуально-развития, появления новых значений и оттенков. Следовательно, у каждой части речи «эксплуатация» мыслительного содержания» [5, с. 311].

В личном глаголе выражаемое содержание конкретизируется при помощи ряда сопутствующих предикативных и модальных

значений. Охват действительности у глагола иной, чем у производного существительного. Известное семантическое содержание выражено в разных языковых категориях; производящие и производные слова обладают индивидуальными морфологическими, синтаксическими и семантическими характеристиками. Каждый компонент имеет свои возможности разработки мыслительного содержания. Эти возможности слов в сочетании с конструктивной обусловленностью их употребления позволяют им наполняться в конкретных речевых условиях неравнообъёмным предметным содержанием.

В семантике производящего слова и его «семантического деривата» обнаруживается как общее, так и особенное. Значение слова не может рассматриваться вне отношения и обозначаемой действительности. Поскольку слова и их дериваты, несмотря на известную общность содержания, по-разному – в разном объёме и отношении – отражают соответствующую действительность, то и их лексические значения не совершенно тождественны.

Большинство преобразований представляет своего рода синтаксическую деривацию. Одна синтаксическая конструкция трансформируется в другую, в чём выражаются регулярные грамматические и деривационные отношения между членами этих преобразований. Структурно-грамматическая и семантическая характеристика трансформаций определяется грамматической и семантической природой, образующих ту или иную трансформацию слов. В результате трансформаций соответствующий участок действительности по-разному организуется, оформляется и отражается в этих преобразованиях. Если действительные явления, отражаемые тем или иным мыслительным содержанием, сами по себе бесконечны в своих количественных проявлениях, отношениях, признаках, то формальные приспособления языка конкретизируют эту действительность в соответствии с взаимодействием с ней говорящего.

Таким образом, представляется возможным рассмотреть в качестве **СИНОНИМОВ**

(одноаспектных и лексико-грамматических) **причастным оборотам**, во-первых, **придаточные предложения**, во-вторых, **предложные конструкции**.

Современные исследователи при рассмотрении синонимии опираются на синтаксическую классификацию синонимов Г. Хельбига и И. Буша [18], которые выделяют следующие синтаксические функции причастий:

- 1) атрибутивную;
- 2) адвербиальную;
- 3) сопредикативную.

Нами отмечается, что для немецкого языка нехарактерны предложные конструкции с предлогами *von, bis, seit* и др. Также малоупотребительны причастные обороты с уступительным значением и синонимичные им сложноподчинённые предложения и предложные конструкции с данным значением [1].

Синонимия причастных оборотов и сложноподчинённых предложений тесно связана с развитием языка и отражает стремление современного языка к краткости изложения. Язык действует избирательно по отношению ко всем конструкциям, в том числе и к причастным оборотам. Избирательность в выборе конструкций можно отметить и в рамках отдельных функциональных стилей и даже сортов текста [12].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюкова Е.В. Роль трансформационного метода при рассмотрении синтаксической синонимии в немецком языке (на примере причастных оборотов и придаточных предложений) // Учёные записки МГПИ. Т. 7. – М.: МГПИ, 2009. – С. 318-325.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Эдиторал УРСС, 2001. – 208 с.
3. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Т. 1, 2. – Киев: Высшая школа, 1952. – С. 339.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 458 с.
5. Гречко В.К. Синтаксис немецкой научной речи (элементарное предложение). – Л.: ЛГУ, 1985. – 163 с.
6. Гулыга Е.В. Место сложноподчинённого предложения в системе синтаксиса // Филологические науки. – № 3. – 1961. – С. 16-26.
7. Гулыга Е.В. Сложноподчинённое предложение (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. – М., 1962. – 1227 с.
8. Гулыга Е.В. Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
9. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. – Л.: Наука, 1965. – С. 7-32.
10. Ревзин И.И. Первопричастный оборот и его основные грамматические и лексические эквиваленты в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1950. – 228 с.
11. Устюжников А.Н. Синонимия синтаксических конструкций в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 194 с.
12. Шарина (Бирюкова) Е.В. Причастные обороты и их синонимы в немецком языке в сопоставлении с русским языком (на материале различных функциональных стилей): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 443 с.
13. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола) в современном немецком языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Т. 1. – М., 1964. – 478 с.
14. Ярцева В.Н. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. – Вып. 1. – М., 1957. – С. 5-34.
15. Bühler K. Die Darstellungsfunktion der Sprache von K. Bühler. – Jena, 1934. – 434 S.
16. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz des Spannungsfeldes. – Berlin, 1955. – 88 S.
17. Jung W. Kleine Grammatik der deutschen Sprache. Satz und Beziehungslehre. – Leipzig, 1954. – 284 S.
18. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. – Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New-York, „Langenscheidt-Verlag“ Enzyklopädie, 2001. – 737 S.
19. Heyse J. Deutsche Grammatik oder Lehrbuch der deutschen Sprache. – Hannover und Leipzig, 1914. – 644 S.